Текст · 11 мая 2020, 16:17
Максим Литаврин,

«Всех, как говорится, не перевешаешь». Сотрудники МВД публично поддерживают создателя проекта «Омбудсмен полиции» Воронцова

Максим Кузьменков, младший инспектор-кинолог центра кинологической службы ГУ МВД по Москве, прапорщик, служит в МВД с 2002 года

С Владимиром Алексеевичем Воронцовым я знаком около четырех лет. Познакомились мы, когда я обратился в паблик за помощью — мой друг и коллега заболел тяжело, у него две опухоли в головном мозге были. Московский профсоюз полиции [Михаила] Пашкина отказался помогать, руководство МВД отказалось помогать, и наш последний шанс — обратиться к Владимиру Алексеевичу. Мы обратились, и посредством его ресурса мы спасли человеку жизнь, собрали необходимые средства для операции, Владимир свел нас с нужными врачами, с юристами. В общем, помогли человеку, спасли ему жизнь.

После этого я неоднократно вместе с Владимиром принимал участие в оказании помощи другим сотрудникам полиции. Володя писал ликбезы так называемые — нормативно-правовую базу поднимал, чтобы сотрудники полиции могли четко ориентироваться в своей служебной деятельности, так как по факту в самой полиции все правовые нюансы руководство своим полицейским не рассказывает. В силу того, что учебные центры

работают очень слабо, сама по себе подготовка сотрудников сейчас в России ущербна. Это не могло не вызывать беспокойство у полицейских, которые имеют опыт, это не могло не вызывать беспокойство у Воронцова. Он начал делать упор на то, чтобы просветить полицейских в их трудовых правах, ну и вообще, не только трудовых… Так скажем, пытался внушить полицейским, что полицейский как представитель власти должен знать и соблюдать законы и нормативные акты.

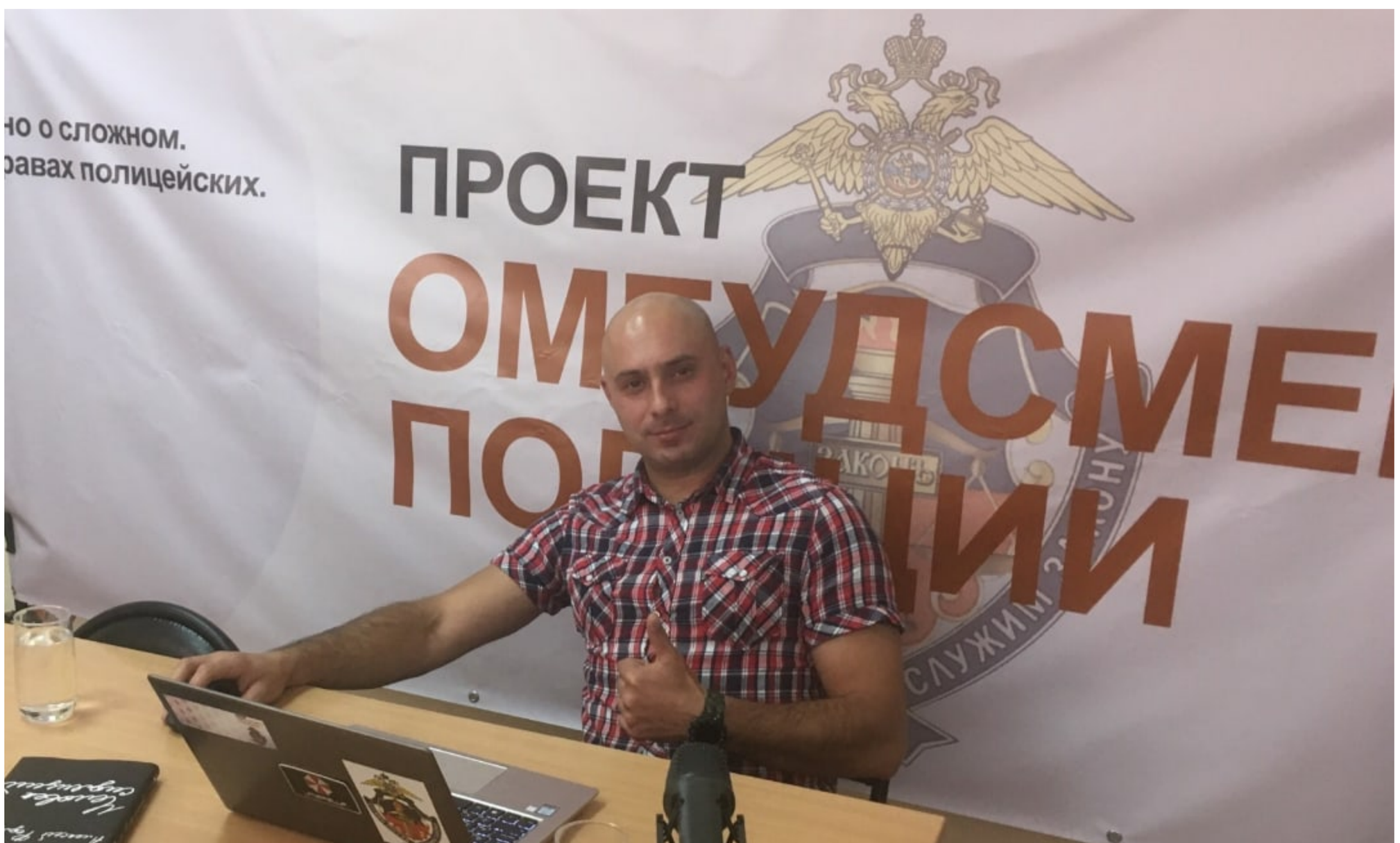
Сам по себе Владимир Алексеевич — человек резкий. Он себя позиционировал, так скажем, как Шнур — известный музыкант, который не стесняется в выражениях. Алексеич называл себя: «Я вот типа как Шнур, только среди полицейских».

Что касается самого дела. В 2017 году в сентябре на площадке *Police.LIFE* «ВКонтакте», где администратором являлся Владимир Воронцов, в одном из постов некий Расим [Курбанов] писал комментарии и познакомился[1] с девушкой. Девушка в отместку Расиму выложила в комментариях уже известную фотографию со шмелем этого Расима — скажем так, с половым органом. Сам Владимир к этому отнесся крайне негативно. На своей площадке «Омбудсмен полиции» он издал пост, где призвал полицейских не травить Расима, так как его уволили за этот поступок.

После увольнения Расим общался с Воронцовым очень часто на дружеских нотах, ничто не вызывало негативных реакций. Проходит два года, и в конце лета прошлого года Владимир рассказывает, что ему

на счет поступают средства — 300 тысяч рублей. Никаких услуг на эту сумму он не оказывал, эта ситуация его сильно забеспокоила. Он пошел в отделение полиции, написал заявление. Пошел в банк, написал заявление в банк с просьбой вернуть средства на тот счет, откуда они пришли. Кроме того, у себя на ресурсе он написал пост, в котором открыто сообщил своим подписчикам, что ему на счет поступили 300 тысяч, и он полагает, что это провокация.

Получается так, что по истечении трех лет Расим, который все это время нормально общался, резко переобулся и написал заявление в адрес Владимира Алексеевича, где указал на то, что непосредственно Воронцов выложил эту фотографию. По обвинению у него вымогательство, совершенное группой лиц. Но на самом деле, задержан пока только один человек — группы лиц мы не видим, нам никто ее не показывает, не предъявляет.



Максим Кузьменков. Фото: личная страница ВКонтакте

Нас возмущает факт того, как вел себя спецназ — у Владимира в квартире находилась супруга и четырехлетняя дочь. Недопустимо было... Сам по себе Воронцов обществу не опасен, никаких угроз не несет... После того, как сломали дверь, проникли через окно сотрудники спецназа «Гром», после того, как его задержали и унизительно в тапках провели по улице — специально дали возможность журналистам РЕН ТВ этот момент заснять. Дома по адресу проживания допускали грубости в адрес жены, в адрес ребенка, копались в детских игрушках. Так себя не должен не то, что спецназ, так себя мужчина вести не должен. А тут спецназ! Спецназ — это высокое что-то в наших кругах, считается, [должны быть] определенные принципы, не только сила и реакция, но и внутреннее состояние, дух.

Многие поддерживают Владимира анонимно в силу того, что сотрудники полиции не имеют законного права как-либо критиковать или выражать свою личную точку зрения в адрес органов или представителей власти, сотрудники боятся открыто выражать свое мнение. <...> За каждый пост, комментарий — это все отслеживает Центр по противодействию экстремизму, скорее всего. Люди переписываются, потом им создается ряд проблем по службе. Они подвергаются гонениям, травле, подлогам.

Я тоже боюсь, мы все боимся. У меня тоже есть семья, тоже есть дети, но здесь, понимаете, мы отстаиваем права, законные интересы. Мы не отстаиваем что-то негативное, преступное. Я выражал свою позицию

открыто в рамках правового поля, за это сейчас на меня тоже оказывается давление. Мне до пенсии осталось всего два года, но терпеть унижение и дискредитацию — это не стоит того.

Николай Дыбенко, патрульно-постовая служба, служит в МВД с 2002 года

Имя изменено. Полицейский выложил свою фотографию и указал настоящее имя в посте в поддержку Воронцова в группе «Омбудсмен полиции», но в беседе с корреспондентом «Медиазоны» попросил об анонимности и сослался на закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», который запрещает ему в разговоре с журналистами давать какие-либо оценки действиям государственных органов и должностных лиц.

Я служу в полиции 18 лет, служу в ППС. Около трех лет назад мне коллеги посоветовали почитать [проект «Омбудсмен полиции»] в контексте его правозащитной деятельности. Я следил. Понимаете, там проблемы полиции, озвучивают их другие сотрудники, пишут анонимно, что не устраивает, где, как. Я не со всем согласен, конечно, но интересно было мне это как сотруднику. Коллеги тоже паблик читают.

Фото: Служба Безопасности Карелии / ВКонтакте

Я с Владимиром не совсем согласен, что он пишет, говорит, но, понимаете — так не делается. Он бывший сотрудник... Те же бойцы Росгвардии, не Росгвардии — по-моему, там спецподразделение «Гром» [на задержании Воронцова] было... Они ему же в паблик писали, проблемы высказывали, а потом сами же его тащат, ведут себя, как с преступником. Вести-то себя

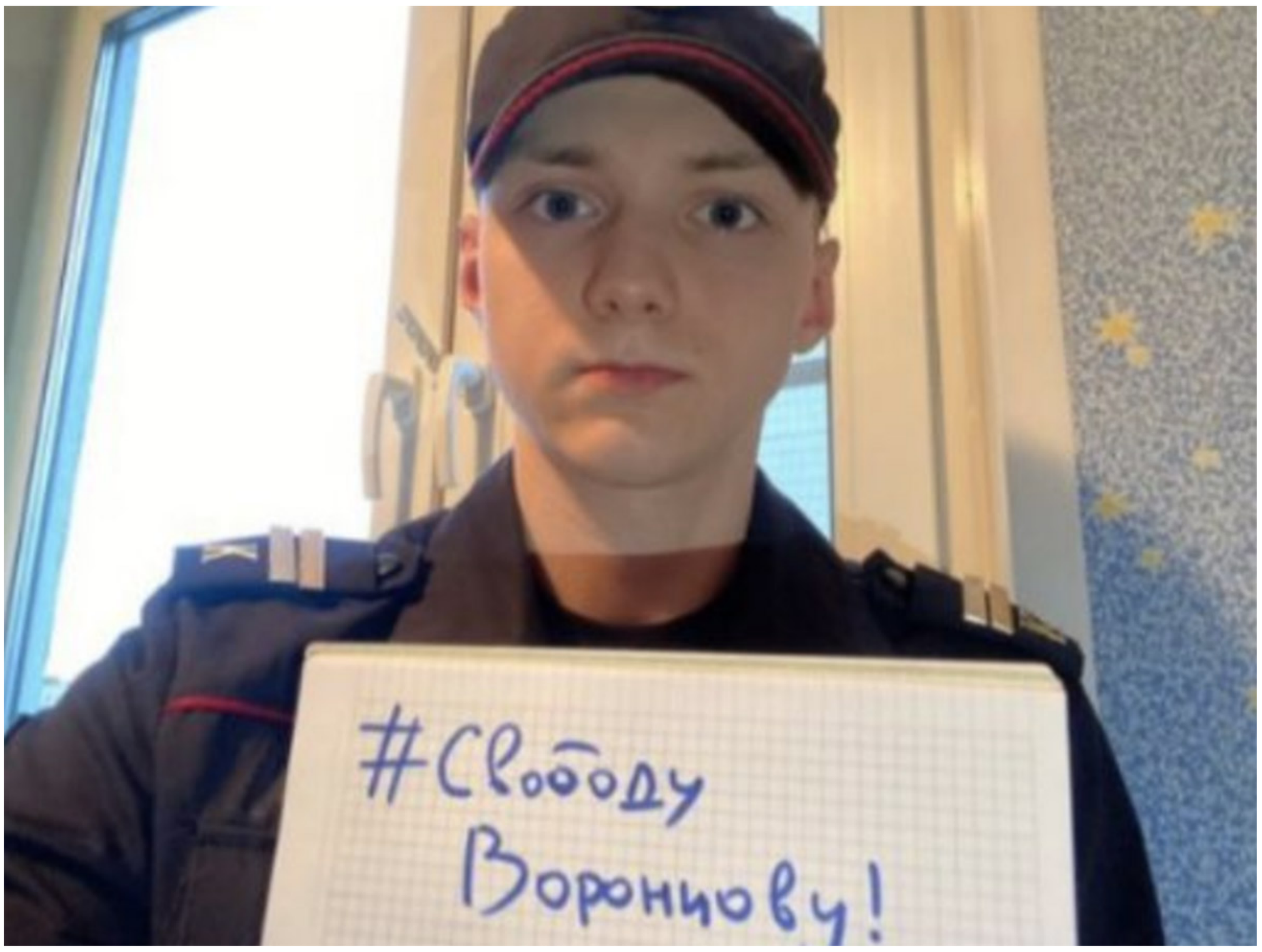
можно по-разному. Какие-то предъявы — что он у себя по квартире с пистолетом ходит. Ну почему он у себя дома с пистолетом не может ходить, даже если он у него и был? А у него кобура была пустая. Плюс — постучали в дверь и начали сразу пилить. Не знаю, он одеться не успел, там же видно было.

Ситуация с его делом такая — вы же знаете, за что? Вымогал деньги якобы у бывшего коллеги. Смысл-то в чем? Те фотографии [из дела], они уже опубликовались. Да и как бы объяснить-то… Какой здравомыслящий человек будет свои гениталии отсылать женщине, которая с ним работает, правильно? Это ненормально, во-первых. Человек, который распространял эти фотографии, на тот момент являлся действующим сотрудником. Даже моральный аспект — я считаю, так нельзя поступать. Ну и даже если Воронцов вымогал деньги, почему [потерпевший] об этом вспомнил спустя три года, понимаете? Очень много вопросов в связи с этим.

Я так понимаю, за неанонимную поддержку никаких санкций нет. Но у нас система такая… Я-то, например, знаю, что я ухожу на пенсию. А товарищи мои — им служить еще. Есть, например, положение об утрате доверия. Если человек утрачивает доверие, его, соответственно, увольняют за это. Но там не прописано четко, за что утрачивает доверие. Там прописан конфликт интересов, например, занятие предпринимательской деятельностью, еще что-то, что сотрудникам запрещено. Но там написано «и так далее» — и могут к любому привязать и уволить по отрицательным [основаниям]. Если заметят фотографию, могут к чему-то привязать. Что

делать, поедем на «Пусть говорят», если будут меня [наказывать]. Ну и что это за поддержка [анонимно], например? Я своих товарищей, сотрудников, не понимаю. Поддерживают — могут сфотографировать шапку, ну вы видели в паблике фотографии, удостоверения лежат закрытые. Я, конечно, понимаю, что [могут наказать], но всех, как говорится, не перевешаешь.

То, что делает Воронцов, очень актуально. С тем, о чем он пишет, я сталкивался, это не что-то необычное. Я читаю и в некоторых постах вижу себя. Сам бы мог так сделать, еще что-то. Я лично с ним не знаком и не сталкивался с теми, кому он помогал, но я видел, как они, например, обжаловали увольнение сотрудников ППС, коллег моих — то ли со 2-го оперативного полка [при ГУ МВД Москвы], то ли с 1-го. И их восстановили.



Леонид Козлов. Фото: личная страница ВКонтакте

Леонид Козлов, курсант, 2-й курс Московского колледжа полиции

Я за пабликом слежу где-то полгода, не больше. Я считаю, что Воронцов правильно делает тем, что обозревает некоторые новости, некоторые события из жизни полицейских, которые неправомерны, так скажем, со стороны начальства. Кроме него никто этим особо не занимается, поскольку это дело неблагодарное, хоть и правильное. Так как он многим помог, благодаря нему многие проблемы разрешились, получили огласку — соответственно, структуре МВД это не понравилось, и поэтому его решили закрыть, прямо скажем. Поэтому, если он помогал другим, то мы тоже должны его поддержать чисто с моральной точки зрения.

У меня есть друг, он уже выпустился и служит, он, конечно, тоже считает правым делом то, что делал Воронцов, но подобным образом поддержать почему-то не хочет. Не знаю, почему. Просто отказывается.

Ничего страшного [в том, что я публично выразил свою позицию,] нет. У меня уже были разногласия, я уже активно высказывался.

Конечно же, мой взгляд на систему МВД изменился в негативную сторону. Но все же осталось некое желание прийти и попробовать на себе в структуре послужить, а дальше уже принимать какие-то решения последующие.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. По версии анонимных источников «Коммерсанта», вступить в интимную переписку с потерпевшим девушку подговорил сам Воронцов.